

виноват в происшедшем?» Споры и упреки, начатые в коридоре эмигрантского комитета, продолжаются в эмигрантских столовых и бараках-общежитиях, где смятение, неизвестность, материальные лишения, вынужденное безделье и неорганизованность царят в бараках. Чехословацкие социал-демократы устраивают своих немецких «коллег» в несколько лучших условиях, но требуют за это послушания и изолированности от коммунистов. Карл Люринг не имеет права принять у себя человека, спасшего ему жизнь, — Петера Рель. Люринг — старый социал-демократ, ему трудно нарушить партийную дисциплину, но здесь он не выдерживает, поднимает бунт и в наказание лишается последнего приюта. Больного старика выбрасывают на улицу. Вскоре он умирает.

А коммунист Петер Рель в любых условиях делает привычное для него дело. Его органическое свойство — организаторский талант. Еще не устроившись сам, он устраивает других, дает советы, разрешает конфликты, ободряет слабых, предостерегает неосторожных...

Когда же налаживается связь и партия, ушедшая в подполье, передает свои директивы для эмигрантов, Петер Рель испытывает огромную радость, ощущает невиданный подъем сил, и интенсивность его работы удваивается. В бараках исчезают смятение и растерянность. Петер Рель — живой человек, которому не чужды никакие человеческие порывы, — большая удача автора. Очень удачны также образы молодых коммунистов Ганса, Рут, Инги.

Эмигрантская волна принесла с собой и немало мусора. На организационном собрании

«секции IV интернационала» сидят рядышком: издатель субсидируемой Детердингом газеты антисоветского направления, социал-демократический адвокат, тайный агент полиции, писательница по сексуальным вопросам, выгнанный из СССР политический прохвост Валлерман и художник Оскар Гундель, который вскоре после этого возвращается в «III империю» и становится агентом Гестапо.

В романе есть эпизод с нелегальным радиопередатчиком, который установил в Чехословакии оппозиционно настроенный член «Черного фронта», инженер, названный в романе Дормлериом. Коммунисты помогают ему установить передатчик, они снабжают его разоблачительным материалом для передач, они заботятся о том, чтобы из оппозиционно настроенного фашиста он стал антифашистом. Агенты Гестапо выслеживают и убивают Дормлерию.

Страницы, посвященные «работе» Гестапо за границей, интересны и весьма поучительны. В особенности поучительна история молодого рабочего Вилли Бонцеля, недисциплинированного парня, который чуть было не стал провокатором.

Как ни стараются социал-демократические чиновники препятствовать осуществлению антифашистского Народного фронта — объединение происходит помимо них.

В романе показаны первые шаги Народного фронта.

Книга, быть может, перегружена эпизодами и персонажами, тем не менее советский читатель с интересом прочтет эту содержательную, яркую книгу.

Б. Этингин

КАРЕЛ ЧАПЕК. «ГОРДУБАЛ». Пер. с чешского Ю. Акселя. Госуд. издат. «Художественная литература». Москва, 1937 г.

Вышедшая в Гослитиздате книга К. Чапека «Гордубал» — далеко не последнее по времени произведение писателя. Повесть «Гордубал» написана в 1934 году. Сюжет ее на первый взгляд прост и несложен. Из далекой Америки вернулся в родное село Юрай Гордубал, проработавший ряд лет на чужбине. Он везет с собой заработанные потом и кровью деньги и мечтает о счастливой жизни с женой и дочкой. Но желанный прием ждет его на родине. Жители села не узнают эмигранта, — он для них чужой. Са-

мое страшное все же не в этом. Чужим стал он и для жены своей Поланы за долгие годы разлуки. В собственном доме он не чувствует себя хозяином. Вся деревня судачит о том, что Полана — в связи с батраком Гордубала, молодым Степаном Манья. Тщетно пытается Гордубал найти выход из создавшегося тупика. Силы его богатырского организма изменяют ему, — он заболевает. Однажды утром Гордубала находят мертвым в постели. Но убийство это совершено почти над мертвым: когда наносился удар, тяжело

больной Гордубал уже был в агонии. Подозрение в убийстве тот час же падает на Полану и Манья. Их судят. Манья в конце концов сознается в убийстве Гордубала. Его приговаривают к пожизненной каторге, а Полану — к 20 годам. На этом заканчивается повесть. Таким образом сюжет ее как будто сводится к обычной истории о традиционном «треугольнике» — обманутом муже, неверной жене и любовнике, правда, перенесенной в своеобразные бытовые условия чешской деревни и осложненной элементами детектива, впрочем весьма примитивного. Но это не совсем так. Чапек рассматривает свою задачу шире. Он акцентирует моменты, показывающие обреченность Гордубала, его отчужденность от окружающего быта, неумение и нежелание приспособиться к нему. Он подчеркивает одиночество Гордубала, его стремление уйти подальше от людей. По существу он хочет уйти от самого себя, но нигде нет ему места. Он полон противоречий, он гораздо сложнее, чем те представители «городского мира» — прокурор, защитник, судья, — приехавшие в деревню судить Полану и Манья. «Простым» случаем кажется убийство Гордубала лишь рьяному служаке — полицейскому Биглю. На самом деле это — запутанное, сложное дело отнюдь не с точки зрения криминального права, но с точки зрения психологии. Чапек всячески подчеркивает, что Гордубал погиб бы при любых обстоятельствах, даже если бы никто не покушался на его жизнь, что он «созрел» для смерти. В этой «предопределенности» — несомненный налет мистифизма.

Чувство одиночества, усталости и беспомощности Гордубала передано Чапеком очень ярко. «Великая тишина нисходит на Юрая. Такая большая, что становится больно. Гляньте на него, этакий детина, а вздыхает,

вздыхает под бременем благодати. Эх, как не хочется вставать, спускаться в деревню. Хочется тихо, тихо лежать здесь, чтоб в душе все утихло и улеглось. Лежать бы дни и недели...»

Вся боль мучений Гордубала выливается в словах его, обращенных к его собаке. «Трудно, тяжело все это, хуже чем твоя цепь. Там, в горах, мы бы с тобой звякали бубенцом, ты да я, — много там места, и богу его хватает.

А среди людей тесно. Двое-трое сойдутся, а какая теснота! Что, не слышать как бренчат наши цепи?..»

Тщетно ищет Гордубал нового пристанища. «Нет ли работы? Дрова рубить?» — спрашивает он в лесничестве. «Нету, братец, тысячи метров дров гниют в лесу».

«А не строится ли где-нибудь железная дорога или шоссе? Не рвут ли динамитом скалы?»

«Куда там, дяденька, куда там! Все нас забыли, да и для чего строить?»

Так замыкается круг. Гордубал гибнет, оказавшись лишним в селе, в доме, в жизни.

Чапек сочувствует Гордубалу, жалеет его, но выхода для него не видит. Образ этого мятущегося здоровяка он рисует с любовью и теплотой. Гораздо более смутно очерчен образ Поланы.

Хороши второстепенные персонажи повести. Очень живо описание следствия и суда над Поланой и Маньей во второй и третьей частях повести. Впрочем, читатель не найдет в книге картины социальных отношений в чешской деревне, — Чапек сосредоточил свое внимание на трагическом личном конфликте героев повести. Но повесть интересна как еще одно свидетельство незаурядного литературного мастерства Чапека.

Вл. Рубин